

**Юрий
ДЮЖЕВ**

г. Петрозаводск

(К 80-летию со дня рождения)

ЖЕРНОВА ВРЕМЕНИ В СУДЬБЕ ВИКТОРА СЕРГИНА

С 1975 по 1989 год Виктор Владимирович Сергин работал в редакции журнала «Север» литературным сотрудником, заведующим отделом поэзии. Он читал, редактировал рукописи и заслужил уважение своим подвижническим отношением к порученному ему делу. В эти полтора десятилетия поэзия журнала привлекала внимание интересом к наиболее устойчивым сторонам духовно-нравственного бытия народа, к существенным особенностям складывавшегося веками национального характера, интенсивному философскому постижению мира.

Таковыми же были стихи и поэмы самого В. Сергина. Он родился в деревне Мянсельга Кондопожского района Карелии. Отец – родом из Заонежья. Дом предков поэта, Сергиных, впоследствии был перевезен на остров Кижь как один из памятников русского деревянного зодчества.

Мать поэта родилась в Шелтозерском районе Карелии в крестьянской семье. Вышла замуж и переехала к мужу в Заонежье. «Когда началась война, жителей нашей деревни эвакуировали в Кировскую область, – записывал в дневник В. Сергин воспоминания матери. – Всё мы тогда, сынок, оставили, ничего с собой не взяли, кроме одежды, что на себе была. Кур у меня было два десятка, корова, нетель, пять овец. Торопят нас, а корова-то, матушка, недоеная в хлеву стоит. Одоила я её второпях, обняла за шею и плачу. А самолет уже над деревней летает, не бомбят, а листовки выбрасывают: сдавайтесь. Оставили деревню со всеми хозяйствами, а вернулись в 1944-м, когда была освобождена Карелия, к горстке уцелевших полуразрушенных домов. Жили по несколько семей в них, землянки вырыли. И стали опять поднимать колхоз, на женских плечах, мужья еще воевали».

«Израненным, контуженым вернулся отец в 1945-м, – вспоминал В. Сергин. – Он речь (после контузии. – Ю.Д.) потерял, в госпитале медсестра по букварю его говорить учила. Не прошло и недели, женщины навалились на него, выбрали председателем колхоза. Поздним вечером возвращался он с полей, сам и пахал, и бороновал, руководить-то кем, под началом одна женская бригада. Случались с ним припадки, стекла выбивал в доме, выгонял всех на улицу. Опасались – решит себя, но он уходил в поля, на работу. Бежал я вслед с узелком, в котором несколько сваренных картофелин. Два года промучились так, а потом он не выдержал, ушел за шесть километров – в леспромхоз, бросил свои председательские дела». Отец работал лучковой пилой, давал по две-три нормы, фото его висело на районной Доске почета. «Так и жили, – продолжал воспоминания В. Сергин, – отец – в бараке на лесопункте, приходил домой в выходной день, мама – в деревне, я учился в соседней деревне

(в нашей деревне школы не было), жил в интернате, сестра училась в городе на медсестру».

Жили после войны трудно и бедно. «А помнишь, как я упал в обморок? – спрашивал В.Сергин в письме к своей сестре Валентине. – Это уже после войны, на рынке. Продавали мы ягоды, два ведра брусники, кулечками мы продавали, да ведь я официально за прилавком стоял, ты – стеснялась. И вот стоял я, стоял, да и упал!.. Очнулся, вижу лица, лица надо мной – сверху нависают, беззвучно рты разевают, спрашивают меня что-то. И вдруг твоё лицо увидел, бледное, худое, мокрое всё от слез. И тут словно кто шепнул, и сразу – шум, голоса, а слов не понять. И только твои, тихие, слышу: «Возьми, на, съешь» и суешь мне в руку кусочек хлеба».

Во время учебы в школе В. Сергин увлекался поэзией. Первые стихи были опубликованы в 1956 году. Юный поэт с циклом стихов «Рабочие руки» занял первое место в районном конкурсе. После окончания школы В. Сергин поступил в техническое училище. Получил специальность слесаря-сборщика, пошел работать на Онежский тракторный завод. Был призван в ряды Советской армии. Окончил курсантскую школу, служил авиационным механиком. После демобилизации работал на Кондопожском целлюлозно-бумажном комбинате, четыре года трудился лесником в заповеднике «Кивач». В 1964 году поступил на заочное отделение Литературного института имени А.М. Горького и успешно окончил его. В 1960-е годы стихи В.Сергина публиковались в коллективных сборниках «Ранние строки» (1966), «Переключка» (1966). К этому времени его сверстники уже успели издать несколько поэтических книг, но В.Сергин не терял надежды. «К чёрту, к чёрту – нить», – писал он в дневнике в 1968 году и давал себе наказ: «Не жаловаться, не страдать, не бояться «непонятливости», – писать правду (авось да она победит). Приближать победу!»

Из ранних стихов В. Сергин составил первую рукопись книги, но на обсуждении в секции поэзии Союза писателей Карелии не получил желанного одобрения и путевки в издательство. В дневнике поэта хранится запись, сделанная в этот период: «На 32-й (тридцать второй) версте своей жизни я сяду на природный камень. Я ещё сравнительно молод и полон сил и готов продолжить свой путь. Я сел для того, чтобы озреть *(так в тексте. – Ю.Д.)* свой пройденный путь. Собраться с мыслями. Узнать, что потерял, что нашел. Что увидел, что узнал». И далее следовало написанное верлибром стихотворение, в художественной форме воссоздававшее мироощущение поэта в этот критический для него момент творческой жизни:

*Недвижны камни, но нет ничего
Более подвижного, чем постоянство.
Идут путники, бегут дождевые
Воды, ползут снега, летят облака,
веют ветры, кружатся листья и звезды, плывет
солнце – но всё возвращается в круги свои. И ка-
мень – всегда на месте. В вечном своем движении.
Сел на камень, и закручинилась земля. Качнулись
травы под ветром, шелохнулись кусты. Вздохнул
дальний лес. Вспыхнули разноцветные круги перед
глазами. Солнце! Все-таки я немного устал. Гудит
кровь в ногах. Завитки волос прилипли ко лбу.*

В. Сергину помог его руководитель по семинару в Литературном институте поэт С. Поделков. С его благословения, уже в новом составе, первая книга В. Сергина «Людный лес» была опубликована в московском издательстве «Советский писатель» (1973).

«Картины трудовых будней», на которые в краткой аннотации издательство просило обратить внимание, на самом деле занимали в первой книге поэта второстепенное место. Он не видел ничего поэтического в своей работе водителем автокара на тракторном заводе или машинистом-аппаратчиком кислородной станции на целлюлозно-бумажном комбинате. Техногенная цивилизация была ему чужда. В стихотворении «Маневровый паровоз» вместо восхваления «трудовых будней» машиниста на первое место выходит противопоставление страшноватого, сметающего всех со своего пути металлического чудовища («Грохочут поршневые дышла, / колеса выбивают гром») с тихой и доброй природой («Луна, как стрелочница, вышла / и светит желтым фонарем»). И если он брался за «Рассказ женщины-сучкоруба», то не для восхваления трудовых будней человека, а лишь потому, что нагляделся в лесу на муки матери (она приходила помочь мужу обрубить сучья), у которой после проведенного на лесной делянке рабочего дня «то плечи ломило, то ныла спина».

Не удавались молодому поэту и стихотворения репортажного плана, где он фиксировал увиденные им в путешествиях по стране пейзажи и лики случайных людей («Инта», «Забой оленей», «Сыктывкарский Париж»). «Стихи, что в книжке, – писал В. Сергин Ал. Михайлову, автору нескольких книг о поэзии, – могли бы выйти 10-12 лет назад. Многие в них не так, как хотелось бы, многое уже переделал. И что хотелось бы – не вошло, по разным причинам».

Свою стезю поэт нашел в славянофильских поисках истины и братства в русском ладе и строе души земляков, основанном на чувстве любви, правды, добра. Встав на путь познания народа, В. Сергин пишет стихотворение «Корни», где славит семейную

общину как основу крепости русской жизни. Он образно сравнивает начало своей жизни с появлением из земли зеленого ростка, который крепчал и рос с каждым днем «вглубь и ввысь»:

*Но корни – там же, где пылает печка,
Где мать моя, горбатая старушка,
Тяжелый переставила ухват...
Так жизнь идет,
И корни жизнь питают.*

Вслед за славянофилами семья воспринимается поэтом как естественная ячейка народа. С этих позиций решаются В. Сергиным вопросы русской истории в небольшой поэме «Кизи». После того как родовой дом Сергиных был перевезен на остров и занял свое место рядом с Кижским собором, всё связанное с историей собора стало для поэта частью семейных преданий. Он не исключал возможности участия своих предков в возведении знаменитого памятника русской архитектуры и начинал рассказ о событиях далекого прошлого с воспевания народной «хоровой» основы во всем развертывающемся перед глазами читателя действии («Засветилась песней каждая изба»). Далее поэт сосредотачивается на судьбе плотника Нестора и его невесты Авдотьи, ради которой и взялся мужик собирать артель и построить 22-главую церковь. В результате такой композиции (семья-народ) построенное на частной жизни двух влюбленных произведение становится выражением национального православного сознания:

*И чем выше бегут купола
Под единый купол небес,
Тем слышнее колокола
Из далеких российских мест.*

Но молодой поэт не останавливается только на социальном, национальном бытии народа. Уже в «Людном лесе» на первый план выдвигается творческая индивидуальность поэта, одухотворенная той общей целью искусства, которая, по А. Хомякову, «есть спокойное и возвышенное созерцание, посредством которого облагораживается наше существование и усиливается действие наших нравственных способностей» во имя эстетического, духовного бытия народа. Самобытность В. Сергина проявляется, когда он чувства и мысли берет из глубины своей души, из любви к своей земле, из нравственной гармонии природы и человека. Лиризм лучших его стихов строится на внутреннем ощущении красоты и цельности бытия. А это ощущение, судя по «Людному лесу», он находит наедине с природой.

Восприятие природы как единого и вечного мира, частицей которого является человек, и ранее было особенностью поэзии Русского Севера. Но, в отличие от авторов, которые размышляли «со стороны» о сложной диалектике разнообразных связей человека и природы, В. Сергин (отдавший защите леса несколько лет жизни) называет себя «лесным человеком», что само по себе близко славянофильскому «органическому, естественному» восприятию природы:

*Моё жилище далеко от мира,
И шум дорог сюда не подступает,
Не слышно мне ни стонов, ни веселья,
Не долетит сюда молва людская,
Всё тихо тут. Лишь редкий зверь да птица
Однажды промелькнут, исчезнут в чаще –
И снова я один на целом свете.*

Казалось бы, здесь речь идет о личности, ставшей вне народа, упивающейся своим одиночеством. Но завершается стихотворение «Лесной человек» характерным для русского человека желанием разделить счастье обретенного покоя с другими. Лирический герой уверен, что когда-нибудь здесь появятся счастливые молодожены, срубят просторный и красивый дом, «заживут в нём весело и дружно».

Русский лес для В. Сергина – живой, цельный организм. В мифологическом восприятии леса поэт близок севернорусским поверьям, гласящим, что «в дереве заключена внешняя душа человека, срок жизни которого ограничен продолжительностью жизни соотнесенного с ним дерева, и наоборот». С детства В. Сергин впитал бытующее в крестьянской среде понимание символической, потаенной сущности лесного пространства: что «деревья являются живыми существами... наделены способностью двигаться... разговаривают друг с другом... у них есть свой жизненный цикл: рождение, брак, смерть... деревья, принадлежащие к одной породе, поддерживают между собой родственные связи, испытывают друг к другу человеческие чувства».

В стихотворении «Гимн дереву» (с посвящением С.А. Поделкову) звучит восхищение «древом жизни», символизирующем идею начала бытия («Мы удивляемся: как мир его высок!»). Именно дерево, напоминает поэт, подарило человеку «огонь, и плод, и прялку, и лучину». А если еще вспомнить историю создания первого колеса, то «нам подарило дерево движение, / оставшись в придорожной полосе». В последней строке мифологическая коллизия «дерево и человек» осмысливается не только как граница бытия и инобытия, но и как уже случившаяся утрата былой слитности архетипа «дерево-человек» со

всеми последствиями этого акта. В. Сергин не может смириться с такой неизбежностью и в завершившем книгу «Людный лес» стихотворении «Опять я к вам иду, деревья!..» заявляет о своем желании вернуться в лес, на защиту деревьев, которых он называет любовно «дорогими земляками»: «А если суждено судьбою / упасть и мне, то не беда, – / весь лес я заслону собою / и стану деревом тогда!»

Еще одним источником вдохновения В. Сергина, кроме севернорусских быличек, бывальщин и поверий, стал фольклор Заонежья – заповедного края русской народной культуры. Здесь в прошлом почти каждая женщина умела высказывать свои переживания и причитания, а слава о выдающейся воплещнице Ирине Федосовой разнеслась по всей России. Ряд стихотворений из «Людного леса» навеяны впечатлениями автора от знакомства с записанными в Заонежье причитаниями, песнями и другими фольклорными произведениями («Северный сказ», «Песня», «Тоскую-горюю под синей горою...»). Влияние на поэта «причети-импровизации» становится очевидным при сравнении двух строк из записанного в Толвуйском приходе обращения невесты к матери и двух строк из «Песни» В. Сергина:

Фольклорная запись

Стихотворение «Песня»

Моя головушка не гладится, С милым мне не свидеться,
Волос к волосу не ладится. Он все меня сторонится.

Две строки из «Песни» по ритму и тональности могут быть естественным продолжением фольклорной записи. Это лишь одно из свидетельств непосредственного влияния народного творчества на поэзию В. Сергина. Для него русский фольклор Заонежья имел такую же духовную ценность, какую для славянофилов век назад значили «Русские песни из собрания П.В. Киреевского» (1852). В предисловии к ним Хомяков писал, во-первых, что они воссоздают «память общей жизни», «теплоту общего гнезда» и тому подобные остатки «национального», «семейного» периода русской истории. Они, во-вторых, «являются памятниками не отжившей жизни... историческим проявлением стихий, которые еще живут и движутся во всей нашей великой родине».

Судя по тому, что многие записи русского фольклора в книге В.П. Кузнецовой и К.К. Логинова «Русская свадьба Заонежья» были сделаны в 1980–1990-е годы, В. Сергин действительно имел счастье реально испытать влияние «стихий народного творчества», которые в те десятилетия продолжали сохранять «память общей жизни», «теплоту общего гнезда». Народная песня и в эстетической сис-

теме славянофилов, и у В. Сергина оказывается знаком национальной самобытности.

И поскольку целью молодого поэта уже с первой книги стихов становится осознанный поиск в жизни и искусстве национальной идеи, то и в истории русского народа, и в своей биографии он ищет этапы жизни, с особой силой проявляющие силу и благородство народного духа. Цикл стихотворений «Из военного детства» задуман автором как ожившие в его памяти отдельные мгновения из трагического прошлого. Лирический герой вспоминает ужас испытанного на войне: бомбежку товарного поезда с беженцами во время эвакуации, постоянное чувство голода, смерть бабушки (та, умирая, попросила внука принести последнюю миску с толокном и «мизинцем костлявым» делила последнюю пищу на несколько дней). Пережить голод мальчику помогли любовь, вера в лучшее матери-труженицы, соприкосновение с доброй энергией таких людей, как старик Григорий (ратующий среди разрухи за «огонь любви, огонь сердец») и безногий инвалид войны дядя Сима. Окружающие маленького героя взрослые олицетворяют благую, добрую силу, укрепляют волевое отношение к жизни. Юный герой незаметно обретает такое состояние души и такой образ действий, при котором его верность семейным традициям естественно соединяется с идеей служения родине.

Однако присущее многим стихотворениям молодого поэта «спокойное и возвышенное созерцание», которое высоко ценил А. Хомяков в русской поэзии середины XIX века, не очень пришлось к месту в советской поэзии тех лет. В. Сергин был далек от наследования поэтической традиции, которая «превыше всего ставит энергичность стиха, зоркость, если не хищность, глаза». Он был равнодушен к поощрявшейся критиками «взрывчатости авторской речи... экзотичности, легендарности, необыкновенности... живого и страстного отклика поэта... когда появляется желание во что бы то ни стало «петь, задыхаясь»... слепить светом».

«Тихая лирика» В. Сергина рождала у критиков упреки в «излишней отстраненности, эпической выключенности автора из повествования, принятии на себя лишь функций рассказчика», что якобы вело «к стиранию личности автора... к неизбежному и излишнему самоограничению».

Эти упреки В. Сергин воспринимал спокойно и даже с вызовом. В стихотворении «Через леса, через долины...» из сборника стихов «Золотой побег» (Петрозаводск, 1976) он устами лирического героя обещал и далее смущать «друзей заветных» своей «печалью». Уверенность в себе звучала и в строке «Я полон затаенной силы», что обещало читателям и

далее оставаться верным избранному курсу в жизни и литературе.

В своих взглядах на цельность художественного восприятия В. Сергин был близок славянофильству, один из лидеров которого К. Аксаков в основу восприятия любого из явлений природы ставил именно «первое естественное впечатление». Он называл целью художника – выразить скрытую «идею» вещи, не выражая при этом «всей мысли осязательно». К. Аксаков утверждал поэзию как «чувство» и замечал: «Разве чувство может быть занятием?.. Трудность и усилие могут быть там, где есть усилие, а здесь усилия быть не может, потому что здесь творчество».

Для В. Сергина поэзия никогда не была «усилием», а всегда оставалась «творчеством». Он стремился жить «высшей духовной жизнью» (о чем мечтали сто лет назад славянофилы), но был лишен такой возможности в условиях, когда перед современной поэзией ставилась задача «особенно точной расстановки идейно-эстетических акцентов, построения сюжета, ориентирующего мысли и чувства читателя в верном направлении». И тем не менее в борьбе с цензурой В. Сергин продолжал и чувства, и мысль брать из глубины своей души, из сокровищ жизни. Насколько трудно доставалась такая позиция, видно по четверостишию:

*О, сирот тело – осиротело!
Опять один, как ржавый гвоздь.
...Жить острием – осточертело,
А шляпкой – как-то не пришлось.*

Желанную отдушину лирический герой книги «Золотой побег» находит опять в общении с лесом («Бесконечно петь могу...», «В лес иди...», «По осеннему лесу бреду наугад...», «Деревья стоят, как птицы...»). Лес помогает герою разорвать привычный круг личных и служебных забот, открыть новую шкалу нравственных ценностей.

Отношение к лесу со стороны поэта остается нежным, лирическим. Захваченный красотой природы, он радуется, насколько «славен дом, в котором мы живем» («И огнем...»). В лесу поэту вся жизнь видится по-иному: «Даль отчетливей и проще, / и яснее высота» («В лес иди...»). Тем сильнее поражен он переменами в знакомых местах: «страдалицей лежит» походя срубленная береза; «пронзает жутью» черный после пожара лес. Огромной печалью по лесу – другу человека пронизано короткое, но столь ёмкое стихотворение «Вырубка»:

*Здесь вымерли лесные страхи,
Пустое небо над землей.
И пни, как сумрачные плахи,
То ль кровью пахнут,
То ль смолой?*

Бегство в лес, за мечтой об истинном счастье в жизни, не может избавить душу от «печали», которая всё чаще посещает поэта в душевных метаниях и сомнениях. В. Сергин пробует писать любовные стихи, но в тот момент накала чувств хватает на три стихотворения из цикла «К тебе», да и те написаны истинным семьянином, которому достаточно сказать любимой жене:

*Сколько ни крути, голова ясна.
На моём пути только ты одна.*

В поисках «мира идеального», образ которого только и мог всколыхнуть воображение В. Сергина, он в очередной раз обращается к истории рода. Лирический герой стихотворения «Старый дом» решает навестить отчие края, где давно не был. Он вспоминает счастливые времена детства, когда у колодца «по утрам, / как сто колоколов, / гремела ведрами / почти что вся округа». Теперь «вокруг колодца не видать следов». Из отчих мест ушла жизнь. Уже не хозяин, а гость на родной земле, человек с трагической остротой осознает всю трагедийность происходящего и свою вину перед заветами предков: «И слышатся мне / в тишине ночной / все голоса, что плакали и пели».

Идея величия народного духа в развитии России («Принадлежать народу, – писал А. Хомяков, – значит сознать и любить нравственный духовный закон, проявившийся в его историческом развитии») с особой силой прозвучала в стихотворении В. Сергина «Машины письма». Написанное «белым стихом», это произведение поражает читателя силой сыновнего чувства. Стихотворение мастерски построено через разбередившие душу старой женщины воспоминания, которые чередуются с её настоящим. Жизнь героини прослежена на фоне драматических событий страны. Её душевное богатство, чувство человеческого достоинства, сердечность идут от уверенности, что мир зиждется на началах добра, что злых людей нет на свете, что и в последнюю минуту своей жизни надо заботиться о близких. Поэт уверен: такие люди, живущие с опорой на вечные нравственные ценности, и являются высшим проявлением национального «духа» России. Их понимание мира и самого себя через любовь помогает людям уйти от «печали» будней к осознанию счастья жить на земле.

И тогда после встречи с матерью у В. Сергина в стихотворении «Только ветры – возвращаются...» возникают строки о радости человеческого бытия: «Пусть же людям всё прощается, / пусть всем любится, всем ладится, / пусть всё сущее – грядет!»

По складу души В. Сергин и рад был бы писать о людях, преисполненных подлинной и непосредственной любовью к жизни и к труду, согревать каждую строку ясным и теплым светом надежды на лучшее будущее. Но окружавшая его жизнь, которая становилась всё более конфликтной и драматичной, не давала повода для оптимизма. Каждый день на стол редактора отдела поэзии журнала «Север» ложились присланные со всех концов страны объёмистые рукописи желавших опубликоваться поэтов, и на каждую по установленному в те годы порядку надо было ответить. В. Сергин при всей доброте своего характера не мог терпеть графоманов и слабые стихи подвергал жестокой критике. Журналистская работа приносила скромный, но постоянный заработок и была необходима для поддержки семьи, но явно не сопутствовала творческому вдохновению. В результате следующий, после «Золотого побега», поэтический сборник В. Сергин выпустил лишь через пять лет.

Книга «Лесные сумерки» (Петрозаводск, 1981) открывалась знакомым по прежним публикациям автора циклом «Из военного детства». Логическим продолжением стала поэма «Отчий дом» – одно из лучших произведений В. Сергина. Поэма привлекала непосредственностью, глубиной чувства автора, связывавшего его душу с самым близким и любимым «отчим домом», обреченным на «живую» смерть после перевозки на остров Кизи в качестве памятника народного зодчества.

Сюжет поэмы развивается вокруг демонтажа конструкций старого дома усилиями студенческой бригады, взявшей обязательство за неделю «раскатать» строение. Все симпатии автора – на стороне старого дома, который под его пером обретает символ гибнущей, но из последних сил пытающейся сопротивляться деревенской цивилизации. За картиной сноса старого дома раскрывается богатство поэтических ассоциаций, разнообразие скрытой, на бумаге не высказанной (но понятной привыкшему к «эзоповскому» языку литературы советскому читателю) сути происходящего.

Как это было и ранее, индивидуальность В. Сергина ярче выделяется и приобретает большую рельефность, когда поэту приходится творить на хорошо знакомом ему и прочувствованном «изнутри» материале семьи. В этих случаях он несколько не стеснен в проявлении своей индивидуальности и мыслит образами, которые проходят перед его глазами. Пе-

реключение на «язык образов» истории демонтажа старого дома вызвано способностью поэта к неожиданному ассоциативным связям. Рушащийся на его глазах отчий дом стал на уровне подсознательном, интуитивном предметом мистико-иррационалистического истолкования, импульсом установления диагноза болезни современной цивилизации: «Разорвали всю цепочку, / разобрали весь венец, / то ли первый, то ль последний».

Отчий дом в изображении поэта – это «последний» страж любимого лирическим героем потока той жизни, которая соединена с нежными руками матери, с заботливой энергией отца, с историей всего рода как частицы человечества. Отчий дом в памяти лирического героя ранее всегда соединялся с образом «дерева жизни», уходящего корнями в глубокую историю Родины. Нет отчего дома – и теряется единство жизни и смерти, конечного и бесконечного, отдельного человека и общества. Эта художественная идея поэмы В. Сергина разворачивается в сопоставлении действий равнодушных исполнителей поручения – с описанием всё понимающего и всё чувствующего, одушевленного и оживленного силой воображения автора старого дома («Упирался он углами в землю теплую, родную»).

Отчий дом, который «окрестили, обрядили / к долгой жизни человечей» завершает свой жизненный круг. Остается лишь напомнить читателям, что «из глухой лесной деревни / привезли его на Кизи». Но в самой сухости и краткости этого извещения кроется душевная боль поэта, который рассматривает «мертвую жизнь» (ставшего экспонатом заповедника) отчего дома как личную трагедию, а в более широком плане – как еще один знак постепенного исчезновения из современного бытия важнейших духовно-нравственных устоев северного крестьянства.

«Я ведь в Мунозере, – писал в дневнике В. Сергин, – да и не только там, а и в других многих деревнях (Красная Сельга, Пегрема, Мянсельга, Леликово) видел страшную жуть запустения, мертвый оскал домов, кострища внутри них... Нет! Это видеть надо своими глазами, трудно слова подобрать, какое чувство тебя охватывает, когда издали ты видишь деревню, настоящую северную деревню, а подходишь к разоренному кладбищу, холодному склепу, от которых тянет, сквозит могильным холодом... Вздогнешь, когда увидишь вдруг забытые фотографии за стеклом буфета или в простой раме на стене. Да и не забытые они, вряд ли можно забыть родных и близких, друзей. Видно, вернуться думали хозяева, не насовсем уезжали, и думы такой у них не было, потому что негодное, горькое это дело – покидать родину. «Да уже писали о деревне, патриар-

хальщине, сколько же можно», – скажут мне. Да, писали, и критика уже своё слово сказала на этот счет. Но не о деревне пишу я, а об отношении нашего современника к прошлому, к устоям нашим... Да, и я писал, но – возвращали, потому что, как мне говорили, – «не время», «не до этого» или «хочешь, чтоб меня с этого кресла попросили». А потом уже объясняли отказ тем, что – поздно... Вот и найди срединную точку, попади в неё».

Отсюда и название книги – «Лесные сумерки» – время полутьмы между заходом солнца и наступлением ночи, «смутная, неясная пора, безвременье», каким во многом и было начало 1980-х годов с похоронной мелодией на Красной площади, повторявшейся трижды после смерти престарелых и больных руководителей страны. Помрачение сознания общества в затеянную М. Горбачевым «перестройку» еще не наступило, но в народе зрело ожидание каких-то катастрофических событий в жизни страны с неясным исходом для всех и каждого, «когда уже не только жизни, но нет и смерти никакой».

Строки эти взяты из стихотворения В. Сергина «Сушина», где образ иссохшего от старости и болезней дерева с «бескровным» стволом и «серыми остатками сучьев» напоминает сегодняшнему читателю тех, кто приходил к власти в стране в самом начале 1980-х годов.

Смутная, неясная пора тех лет сильнее влияла на тех очевидцев событий, которые воспринимали всё происходящее в художественных образах. Не удивительно, что даже в цикле стихов «Лес» из нового сборника В. Сергина начинается всё настойчивей звучать «сумеречное сознание» одинокого, духовно начинавшего терять себя, доброго усталого человека, кроткая душа которого подвергается непосильному для него давлению извне, когда уже и красота леса не может принести долгожданное успокоение:

*Не сумел я стреножить коней,
В даль степей унесли мои кони...
Много дней пронеслось, много дней,
Я устал от безумной погони.*

Талантливый и успешный человек, В. Сергин переживает духовный кризис. Он устал от агрессивности провинциальной литературной среды, от постоянного поиска денег на содержание семьи, от ставшей тяжким испытанием повседневной журналистской работы. «Век учись... А век пройдет – умри, / вот она и жизнь – совсем нескладная», – замечает поэт в стихотворении «Костяника». Только в отпуске и по выходным он может вырваться в лес, но эти ставшие редкими встречи уже не радуют, как раньше:

*Всё вроде видел, да не в том обличье,
Всё узнаешь, но не под тем углом,
Стирается родное и привычное,
Срезается распластанным крылом.*

А когда лирический герой цитируемого выше стихотворения «Внизу то ламбушка...» пытается мысленно «смотреть на родину с высокого полета», то видит лес «в плешинах-вырубках» и среди него похолодевшие на осколки древнего мира «покинутые старые поселки и серые остатки деревень».

Не радует даже «листьев первый лёт», когда лес словно просвечивается насквозь. Глядя на себя со стороны, сидящего в одиночку «на старом барабане-пне», лирический герой стихотворения «Любимая! Войди в мой лес...» не без иронии сравнивает себя с «тихим гномом». Но сказка ушла, её больше нет: «И не хохочет в чаще бес, / и ветер в роще не поёт».

Между тем душа поэта требовала праздника, и он вновь нашел его через обращение к сокровищам русского фольклора. В «Лесных сумерках» появился цикл из одиннадцати стихотворений под общим заголовком «Лубок». Выбрать такое название (в словарях русского языка советских лет однозначно понимаемое негативно как «просветительная» литература для народа, издававшаяся в дореволюционной России и отличавшаяся примитивностью содержания) было вызовом. Исследователь фольклора и народного творчества Л.И. Емельянов с неодобрением говорил о писателях, которые «заставляют своих героев говорить сплошными пословицами и поговорками, а то и цитатами из песен, сбиваясь подчас на лубок, на стилизацию».

Однако на той же странице своего исследования Л.И. Емельянов признавал естественными и понятными попытки писателей-северян Писахова и Шергина непосредственно обращаться к фольклорным источникам, писать в духе фольклора, помогая тем самым раскрывать первозданную красоту фольклорных образов. Литературовед называл отношение любого писателя к фольклору его внутренним делом: «Лучше писателя все равно никто не решит, какая из сфер национального художественного опыта более всего может дать ему как художнику... важно, чтобы форма выражения была у него глубоко национальной».

Если напомнить, что лубком в старину ко всему прочему называли липовую доску, на которой гравировалась простая и доходчивая, с поясняющей надписью картинка, то можно сказать, что и по композиции цикл «Лубок» из 11 стихотворений В. Сергина представляет собой 11 лубков с живописными картинками русского быта. Все вместе они связаны еди-

ной мелодией радости жизни, обычно идущей от медленных и быстрых русских народных танцев (хороводов, импровизационных переплясов, барыни), а также от музыки в ритме этих танцев.

Уже первый «лубок» – сцена проводов солдат «Бабы воют. Визг саней...» – задает темп и ритм поэтическому изображению кульминационных моментов в жизни северной деревни. Слезы убитых горем матерей перемежаются с лихими частушками пустившихся в «последний пляс» желающих показать своё озорство и бесстрашие молодых рекрутов. «Бубенцы и храп коней», увозящих в санях молодежь на войну, звучат в унисон с причитаниями плакальщиц и молодечеством ямщиков: «Веселей крутись, вожжа!» И вся эта картина насыщена движением, печальной и веселой энергией солдатских проводов: «Пар клубится. Над толпою / солнце мутною слезою... / Мчатся тройки. Прет обоз».

Во втором «лубке» «Упрячь меня, остылю...» интонация резко разворачивается, чтобы передать скорбь женщины, проводившей на войну своего любимого. Ведь она «отдала Егорушке / и сердце, и огонь».

Такой приём – резкую смену тональности и красок В. Сергин проводит на протяжении всего цикла «Лубок». Так же как в старину нарисованные на липовых досках «лубки» меняли сюжет и героев, навевали то грусть, то смех, так и В. Сергин мастерски использует этот приём. В стихотворении «Подлинней втыкай лучину...» речь идет о святках – зимних празднествах конца и начала года, с которыми был связан цикл различных обрядов. В стихотворении «С куполов сползает снег...» «ряженные, ряженные – / праздничном приглаженные» гуляют по деревне, пугая в Масленицу жителей озорными масками и прибаутками. Под пером В. Сергина кажущиеся «примитивом» праздничные краски «лубочной» живописи приходят к месту в воссоздании чувств простого народа, собравшегося отдохнуть и развлечься: «Девки пряники жуют, / и такой румянец – жуть! / Масленица! / И несъеденным блином / солнце стынет за холмом – / Масленица!»

Действие последних семи стихотворений-«лубков» (с пятого по одиннадцатый) разворачивается вокруг двух женских судеб: ждущей свадьбу юной девушки и готовящейся к смерти старой крестьянки. Первая из них полна веселой энергии, уверенности в себе и в чувствах своего избранника, в исполнении всех желаний, ведь «на Руси / что ни проси – всё исполнится!». Частушка оказывается самой приемлемой для девушки формой, чтобы и поведать о счастье быть любимой, и предостеречь суженого: «А меня если забудешь – / всё припомнится...» Вторая героиня, старая крестьянка, уже

находясь в забытье, лежит, всеми заброшенная, на печи и в полудреме видит на близком к ней потолке избы «два сука, / как глаза два! / В одном слеза... / Не божьи ли над ней глаза».

Чередой стихотворений-«лубков» о подготовке к свадьбе молодой северянки и об уходе на тот свет старой «божьей рабы» продумана автором с такой интуицией, что в сочетании черного и белого, жизни и смерти, солнечных красок молодости и страха перед погружением в «бездну» прожившего своё столетие понимание судьбы насыщается взаимопроникающим философским смыслом:

Отпоём божью рабу: спит в гробу...

Отгорел огонь, осталась зола – бела...

И закроем опустевшую трубу – судьбу.

Ни добра ей не осталось, ни зла – отжила...

Всей душой и всем сердцем лирический герой «Лубка», и вместе с ним автор, на стороне своих героев, живших когда-то (судя по праздничным краскам «Лубка») в некоей сказочной стране добра и любви. Если бы поэт был путешественником по времени, только туда он направил бы свой корабль. А поскольку мечты неосуществимы, остается только печалиться о несправедливости своей даты рождения:

Тоскую-горюю под синей горою,

Печали-кручины под солнцем не скрою:

Летели бы гуси, звенели бы гусли,

Река бы катилась по старому руслу,

Бежали бы девушки в сарафанах,

Цветы бы качались...

Книга «Лесные сумерки» была сдана в набор 16 января 1981 года, а подписана в печать 16 марта того же года. В промежутке между этими датами, с 23 февраля по 3 марта, состоялся 26-й съезд Коммунистической партии Советского Союза. В отчетном докладе Л.И. Брежнев сказал, что «партия приветствует свойственные лучшим произведениям гражданский пафос, непримиримость к недостаткам, активное вмешательство искусства в решение проблем, которыми живет наше общество».

Не без настоячивых советов издательства В. Сергин был вынужден дополнить рукопись сборника стихотворениями с «гражданским пафосом». Поэт отобрал для заключительного раздела произведения, в том числе из ранее опубликованных книг, которые хотя бы частично соответствовали требованиям времени, и написал несколько новых. Открывался раздел «Ветер» одноименным стихотворением, в котором образ ветра, по жела-

нию, мог прочитываться и как «ветер перемен» в обществе после закончившегося партийного форума: «Он раздувает звезды, словно угли, / чтоб не сбивались с курса корабли». Бодрыми по настроению выглядели стихотворения «В праздничном шуме и толке...» (о встрече Нового года) и «Весна в городе», где автор сравнивал сияние помытых хозяевами форточек со «сверканием в поле лемеха». К месту пришли ранее опубликованные стихи на «рабочую» тему «Маневровый паровоз» и «Плавка камня в Кондопоге».

На этом фантазии поэта-лирика на поднятые партийным съездом проблемы закончились, и он опять вернулся на свою любимую стезю писать о том, что ему дорого и любимо. В стихотворениях «Думы старой женщины» и «Мама, мама!..» он с любовью писал о женщинах-северянках, которые «сколько муки-маеты / в жизни испытали», но не состарились душой и сердцем. Сравнивая их с молодыми современницами, поэт не мог не увидеть разницы: у нынешнего поколения в лицах «нет краски прежнего стыда» («Румянца нет теперь на лицах...»). Удивление поэта вызывает выставленное на продажу «невесомо подвенечное платье» («В комиссионном магазине»). Он возмущается искусством лжи у представителей власти, что «позволяет без смущенья / разрешать любой вопрос»:

*Принимаются на веру,
Прославляется – до слез:
Карла – ставший Гулливером,
Нахватавший много «звезд».*

Лирический герой стихотворения «Я проживал в поселке для слепых...» уже настолько устал от реальности «зрелого социализма», что начинает по-доброму завидовать слепому соседу, которого легко отличить «от зрячего и прочего народа» по гордой осанке и достоинству, с которым он «тросточкой стучит, / как будто прах перед собой сметает». Но это чувство сиюминутной зависти к человеку, в силу физического недостатка отстраненному от болячек современной жизни, улетучивается при виде заблудившихся посреди широкой лужи растерянных, без поводыря, слепых людей. Рассказчик помогает им, доводит до дома и выслушивает их горячую благодарность за помощь, – ведь желание быть поводырем у слепых встречалось, по их опыту, не у многих зрячих:

*О, как мне было горько слушать их!..
И боль вины в душе переживая,
Я видел, как в глазах их неживых
Природа отражается живая.*

Сборник «Лесные сумерки» закрепил за В. Сергиным имидж поэта, для которого идеалом была духовная культура крестьянского поколения. Эту особенность отметил вологодский поэт А. Романов, который в статье «Дом Сергина» высоко оценил ценностные ориентации поэта на подключение к естественным традициям народной морали, поддержал его надежды на обновление общества через развитие высокой нравственной позиции отцов и дедов. Творчество В. Сергина естественно вошло в то же русло, по которому развивалась вологодская школа поэзии (А. Яшин, С. Викулов, О. Фокина, А. Романов, Н. Рубцов и др.).

Отчасти и по этой причине в 1984 году издательство «Современник» попросило лауреата Государственной премии РСФСР О. Фокину написать рецензию на рукопись четвертой в биографии В. Сергина книги. О впечатлениях О. Фокиной от прочитанных ею стихов можно было судить по нескольким строкам из отзыва, которые сопровождали публикацию книги В. Сергина «Брусничный бор» (М., 1985): «Тема «природа и человек» главенствующая... Сергин не допускает в стихи беспредметных восторгов: в его выводах и приговорах добру и злу – аргументированность всего хода повествования, в его образах – бережная верность и мера, потому образ лирического героя, человека доброго, честного, участливого, страждущего – вызывает ответное доверие».

В московский сборник В. Сергин отобрал лучшие стихи из ранее опубликованных книг. Основу составляли стихотворения о родном Заонежье, о матери и отце, которые воспитали в нём чувства независимости, достоинства и чести. В открывавшем книгу стихотворении «Людный лес» В. Сергин без изменения оставил первые две строки: «Бесконечно петь могу / о родимом лесе...» Но если внимательно проанализировать содержание первого раздела сборника («Людный лес»), то становится очевидным: за последние четыре года (от «Лесных сумерек» до «Брусничного бора») он мало чем пополнил копилку «лесных песен». Точно так же и стихотворения, включенные во второй раздел («Корни»), оказались знакомы почитателям таланта поэта. Уже печатались ранее в трех предыдущих сборниках циклы стихов «Из военного детства», «Отчий дом», «Лубок» и т.д. В новом издании они кое-где подверглись правке и сокращению строк, но и только.

Одно из объяснений причин такого «простоя» поэта – предельная степень разочарования, охватившая в середине 1980-х годов приверженцев традиционной школы ценностей. Это было разочарование в утвердившейся в самых уродливых формах «перестройке»; в самом российском обществе, которое, будучи па-

рализовано нуждой и невыносимой пошлостью бытия, постепенно утрачивало волю к сопротивлению.

Наблюдая за сложившейся в России ситуацией, В.Сергин решает перейти от поэзии к прозе. Он начинает работу в этом направлении в тот период, когда советские люди постепенно стали избавляться от страха перед возможностью незаконных действий карательных органов, когда были упразднены прежде запретные для гласности и критики зоны, началось восстановление исторической правды.

«Много ли времени прошло, но все вроде бы по-другому, – писал В. Сергин в дневнике в марте 1987 года. – Перестройка, гласность, демократия. Вчера напечатали мое стихотворение «Место» в «Комсомольце», написанное в 1973 году. Но тоже с трудом. Набрали. Н. Федоров (*поэт, сотрудник газеты «Комсомолец»*. – Ю.Д.) прочитал уже набранное стихотворение с полосы по телефону. Через три часа позвонил он же: кто-то из типографии сообщил в обком партии, стихотворение сняли! В феврале была расширенная редколлегия «Севера», присутствовал Детчуев (*сотрудник Карельского обкома КПСС*. – Ю.Д.). Н. Королькова сказала о моем снятом стихотворении и предложила: пусть прочитает, мол, оценим... Её поддержали, я прочел (наизусть). Детчуев поднялся и стал объяснять: был в командировке, в секторе печати решали за него... Через какое-то время (говорили уже о другом, о перестройке) О.Леонов сказал примерно так: ну вот же пример: не напечатали же!.. Детчуев опять стал объяснять, даже с некоторой злостью, что обязательно напечатать... Напечатали, только без двух важных строк...»

Но одновременно с «перестройкой» произошел общий кризис социальных отношений. В духовно-нравственной сфере обнажилось разложение общественных нравов; в трудовой – содержательный труд лишился престижа и поддержки; в этнической – возникла угроза самого существования национальной самобытности, в том числе и русского народа. Нарастала экономическая и политическая дезинтеграция Советского Союза, происходила резкая дестабилизация сложившегося социального порядка.

Проза В. Сергина 1980-х годов, как и его поэзия, отмечена интересом к существенным особенностям складывавшегося веками национального характера. Его рассказы и повести печатались в «Литературной России», в журнале «Север», выходили отдельными книгами.

Жюри всесоюзного конкурса на лучшее художественное произведение для детей, посвященное 40-летию Победы, присудило В. Сергину премию за рукопись повести «Жернова». Позднее это произведение вошло в книгу повестей и рассказов В.Сергина

на «Жернова» (Петрозаводск, 1987). Действие повести разворачивается в тылу во время войны и основано на личных воспоминаниях автора. Положение оказавшейся в эвакуации семьи выглядит катастрофическим – нет еды, лекарств, денег. И если семья выживает, то благодаря самоотверженному труду матери, которая соглашается гнать колхозное стадо за сто с лишним километров на мясокомбинат, лишь бы ей выдавали на день шестьсот граммов хлеба. От любого приработка, от каждой пайки по карточке мать оставляет хлеб маленькому сыну. Автор повести приводит многие факты, свидетельствующие о высоком этическом сознании добрых и сердечных людей, которые заботились о мальчике в самые трудные годы, воспитывали на христианских началах любви и справедливости.

Проза настолько захватила круг творческих интересов В. Сергина, что лишь к своему 50-летию он стал задумываться о содержании приуроченной к юбилею книги стихов и поэм «Северный сказ» (Петрозаводск, 1988). В отличном оформлении она была опубликована тиражом 3000 экземпляров – достойным для тех «перестроечных» лет.

В книгу вошли 190 стихотворений и три поэмы («Отчий дом», «Кижы», «Камень-гром») В. Сергина, отмеченные актуальностью и общественной значимостью проблематики, глубиной и образностью художественного мышления. При этом осмысление духовного бытия народа преломлялось через пронизывающий всю художественную ткань произведения авторский голос, обладающий своей интонацией, своим отношением к тем нравственным ценностям, которые несет в себе современный человек.

По взятой на себя миссии защитника русского леса, по проповеднической настойчивости повторения в своей поэзии ситуаций и мотивов на эту тему В. Сергин близок Л. Леонову, который в «Русском лесе» ставил судьбу человеческую в контекст истории и говорил о важности мировоззрения писателя, внутреннего движения его мысли: «Каждый большой художник сам по себе является носителем личной, иногда глубоко внутри спрятанной проблемы, сложный душевный узел которой он развязывает на протяжении всего своего творчества».

Вот и в поэзии В. Сергина личность героя максимально отождествляется с реальным субъектом и жизненной позицией автора. Эта позиция сформировалась в детстве, когда страна была единым военным лагерем, когда оставшимся в тылу женщинам, старикам и подросткам приходилось работать на износ, за себя и за мужиков, ушедших воевать, когда плач от полученных похоронок разносился по деревням и отдавался болезненным ударом в сердце будущего поэта. Именно тогда – и на всю

жизнь – в его душе поселилась память о беспримерной стойкости народа, чувство готовности отдать жизнь ради Отечества и одновременно – ощущение войны как великой трагедии.

Не удивительно, что во все свои книги В. Сергин обязательно включал цикл стихотворений «Военное детство». В «Северном сказе» он вошел в раздел «Окраина». В него впервые были включены несколько ранее не публиковавшихся стихотворений, которые в своё время не могла пропустить цензура ввиду изображения беспощадно правдивых картин тыловой жизни, не менее страшных, чем война на фронте («Ходила по рынку...», «Полдеревни сдунула война...», «Клубень за клубнем...», «Окраина»). В каждом из этих стихотворений – картины народной трагедии, сопровождаемые и благородством добрых людей, и жестокостью, равнодушием некоторых наделенных властью особ. Но самое страшное, что осталось от войны в памяти В. Сергина, – доводящий до беспамятства голод, забыть который невозможно было и спустя годы:

*Звенела жилка на виске –
Всё о куске да о куске...
Душа, зажата в тиски,
Ломалась часто на куски.
Кричу в безвыходной тоске:
– Да сколько ж можно о куске?
К чему-то целому спешу
И на кусочки жизнь крошу.*

Именно в поисках «чего-то целого», цельности бытия, и спешил поэт в лес, который в его представлении (как и в северных мифологических рассказах) одушевлялся и персонифицировался. Включенный в книгу «Северный сказ» цикл стихотворений «Людный лес» лишний раз убеждает, что на протяжении всей жизни лес для В. Сергина был тем самым ментальным пространством, где он избавлялся от полученного в войну стресса. Здесь нажитая войной «безвыходная тоска» постепенно уступала мысли о бесконечности жизни, возникало согласие с тезисом, что «духи предков живут в густом лесу».

Для В. Сергина лес обозначал нечто «хорошее, яркое, светлое» и был связан с понятиями «огонь и жизнь», «возрождение и воскресение». Он настолько живо воспринимал лес как друга и защитника России, что в стихотворении «Воины-деревья» нарисовал сказочную картину участия оживших деревьев в бою с врагом: «Вы так же сражались! / Недаром один / цвет леса / и цвет гимнастерки». В другом стихотворении «Лес» лирический герой напрямую обращается к лесу и берет на себя вину людей за хищническое отношение к зеленому другу: «Ты

выше нас, мудрее нас, / Уходят глубже твои корни, / Мы ж на планете – беспризорны, / не век отец наш, только – час. / Вот потому и губим всё! / И рушатся твои твердыни, / но без тебя совсем остынет / земля. И пеплом обрстет».

В предчувствии конца истории и неизбежности Апокалипсиса В. Сергин близок Н. Рубцову, который в стихотворении «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...» заглядывал в будущее России и не видел в нем торопливого шума весенних вод, деревенских разговоров, «пенья и смеха на лужке»:

*Россия! Как грустно! Как странно поникли
и грустно
Во мгле над обрывом безвестные ивы мои!
Пустынно мерцает померкшая звездная люстра,
И лодка моя на речной догнывает мели.*

В следующем четверостишии образ «померкшей звездной люстры» усиливается видом «померкших полей» и «разрушенных белых церквей». Человек в концепции Н. Рубцова и шедшего за ним вслед В. Сергина неразрывно связан с окружающей действительностью и должен не властвовать над природой, а сознавать всю полноту ответственности за её судьбу.

Лирическим героям стихотворений Н. Рубцова «Тихая моя родина» и В. Сергина «Милая родина», – тихо сказал...» присуще смиренномудрие – одна из главных добродетелей в христианской жизни, которая проявляется в том, что человек в любых обстоятельствах пребывает в мире с собой и Богом.

Отсюда – наполнение стихов глубоким нравственным смыслом таких понятий, как совесть и милосердие. О чем бы и о ком бы ни писал В. Сергин, всегда он с уважением относился к личности человека, стремился понять его, радовался добрым делам. Лирический герой помещенных в раздел «Поющий наст» стихотворений любит жизнь, радуется любым проявлениям энергии природных стихий, будь то гроза, когда «грохотом серое небо рвалось», или вечерний покой, с видом солнца, которое «пало в воду камушком золотым». Он так переживает увядание природы, что осенью «бродит по дорогам с последнею лаской, / лаской к сердцу-листу, / что вот-вот упадет / или северный ветер сорвет» («Застонала кукушка...»). В ответ природные и космические силы отвечают добром: сосна «заглядывает в дом» («Погода ветрена, как дева...»), а созвездие Медведицы «вешки расставляет», чтобы «по снежной дорожке / до любимой добраться скорей» («Ну, олешки!..»).

Любовная лирика, ранее обычно отходившая на второй план из-за малости отведенного поэту объёма очередной книги, в «Северном сказе» заняла по-

четное место (шестнадцать стихотворений цикла «К тебе»). В целом стихи талантливо выстраивают историю отношений лирического героя с любимой женщиной. В этой растянувшейся на годы непростой истории были эмоционально насыщенные взлеты счастья («Откуда столько красоты?»), светлая грусть воспоминаний («Прикован я туманным взором...»), трагедия расставания («Ты уходила с сумрачным лицом...»), попытка оправдания своих поступков, вызвавших конфликт («Тебя хотел я убедить...»), радость от восстановления прежних отношений («Мы сидим под ёлкой...»). Нравственным центром любовной лирики становятся мужчина и женщина, наделенные развитым чувством личной причастности к жизни общества и природы («К нам тянет дерево изломанные ветки...»).

Завершается последняя, составленная автором еще при его жизни, книга «Северный сказ» циклом «Лубок» (по объему увеличенным вдвое по сравнению с ранними публикациями) из 26 стихотворений. Использование в них фольклорной образности, мифологии народной песни позволяют В. Сергину создать свой оригинальный поэтический мир. Тайная сила этих стихотворений основана на знании языка народа и его истории. Поэт сознательно предоставляет слово тем, кто предан своим корням, кто сохранил все признаки вольной, самобытно мыслящей души, кем движет дух жизни народа на протяжении всей его истории.

Включенные в раздел «Лубок» стихотворения-«лубки» по форме своей напоминают записанные на диктофон живописные крестьянские монологи. Из этой мелодии голосов постепенно вырастает и становится лейтмотивом формулирование задачи каждого русского художника – «принадлежать народу». А это значит, по Хомякову, «создавать и любить нравственный духовный закон, проявившийся (хотя, разумеется, не сполна) в его историческом развитии».

Вся творческая биография В.Сергина убеждает, что в своём отношении к народу поэт приходил не к идеализации его «патриархальности», а к идее величия народного духа в развитии России, тем самым вместе с другими писателями возрождая в XX веке на новом уровне поднятую славянофилами в XIX веке проблему национального самосознания народа. «Почему же все-таки так сильно русская нация в литературе – столько гениев! столько талантов! – писал В. Сергин в дневнике. – И многие другие – преклонялись, восхищались и живут ею. От нутра, от души ее сила, от характера и от ума. Ум есть и у других, но остального такого – не часто встретишь... Нет у них (авторов) такой силы, нет гениев. Есть простое ремесленничество (исполнительство), нет самос-

тийности. Оттого сейчас при большом количестве – малое (сжатое) качество. Но есть – Твардовский, есть русские прозаики... И величие их будет бессмертным, станет в ряд вечного».

«Северный сказ» стал последней прижизненно изданной книгой В. Сергина. На глазах поэта общество как целое теряло объединяющую и спланивающую идею, придававшую смысл существованию и развитию. «Сельское хозяйство страны – в кризисе, – писал в дневнике В. Сергин 11 марта 1989 года. – Экономические уродства, нравственная деградация общества. В прессе, на радио и телевидении, в школе, комсомоле, вузе, семье – процветает лицемерие и ложь. Красивым словам больше не верят. Общество охватывает всеобщее безразличие».

В условиях, когда была подорвана восприимчивость к религии, ослаблена вера в книжные идеи, упали нравы и стали исчезать традиции, для писателей единственной опорой осталось чувство Отечества, преданности ему. «Идея Отечества – это тот последний окоп, в котором можно и должно ставить мощную оборону против нагрянувшей в этом веке и всё захлестывающей бесовской стихии», – писал на страницах «Литературной России» (1991, № 26, 28 июня) в статье «Какая идея нас объединит?» Сергей Солдатов, который после многолетнего заключения был изгнан за границу и оказался в эмиграции.

Сама изменившаяся жизнь, новые потребности читательской среды требовали поиска более сложного и трудного материала, особой философской насыщенности в обрисовке героев. Реализовать же новые потребности времени удавалось не всем. В 1990-е годы развитие литературного процесса стало осуществляться через диктуемый рынком конъюнктурный отбор наиболее «ходкого» литературного товара и серийное изготовление продукции по его образцу. Говоря о ситуации с современным чтением в последнее десятилетие XX века, вологодский литературовед В. Бараков характеризовал его как отрывистое, судорожное, беспорядочное и писал далее: «Нет «чувства локтя» в читательской среде – нет и единого информационного пространства, а есть информационное бесправие: книжные цены давно уже не кусаются – кусать некого; издательская политика, как и политика большая, зависит от толстого кошелька либо от вкусов начальства (и еще неизвестно, что хуже); подлинная национальная художественная литература игнорируется; разгромленные в начале 1990-х годов писательские союзы влачат жалкое существование, постепенно превращаясь в нечто среднее между «клубом по интересам» и домом престарелых... Литература лишена цельности, разбросана, как острова в океане... Господствует, к сожалению, читиво... Зверские

детективы, полубезумная фантастика, якобы любовная романтика и прочая, прочая... Популярность – вот что сбивает многих с толку. Но популярность, даже слава, как известно, дым... Надо искать истину не во временном, а в вечном.

В этой ситуации В. Сергин продолжал писать стихи, но «пробивать» их в печать не имел сил и желания. Уже после его смерти вдова поэта Татьяна Федоровна собрала написанные В. Сергиным в последние годы строки и опубликовала в книге «Нами сотворенное время» (Петрозаводск, «Карелия», 2003). Текст книги был обрамлен статьями Армаса Мишина и Роберта Винонена (ныне живет в Финляндии). Оба характеризовали В. Сергина как поэта неординарного, яркого, совестливого, как внимательного и отзывчивого человека, который заслужил большего признания, чем получил при жизни.

«В течение девяностых годов, – писал А. Мишин, – когда поэт не имел возможности публиковать свои книги, он много печатался в газетах, откликаясь на беды и потрясения, о которых мы все хорошо помним».

Подобного рода эмоциональные отклики на события политической и экономической жизни страны представляют и многие включенные в посмертную книгу В. Сергина стихотворения: «Что же с нами будет вскорости...», «Зверь не тот, что в чаще рыщет...», «Восстание воды», «Власть страха», «С 11 до 19» и т.д. Поэт торопился выхлестнуть кипевший в его душе вулкан чувств по поводу тех или иных нововведений власти, теряя при этом ранее присущую ему самообытность поэтической речи.

Порой он и сам не мог объяснить обилие негатива в его последних стихах, ведь раньше его поэзия всегда была наполнена солнечным светом добра, любви и красоты:

*Откуда и зачем
Ко мне пришли сомненья,
Что правды в жизни нет,
Что черен белый свет?
И к вере не прийти,
И не найти решенья,
И сердца не унять,
И не убавить лет...*

Разочарованный в новой судьбе литературы, В. Сергин ушел из журнала «Север» и вернулся к своей профессии лесника. Смерть настигла его в лесу 19 мая 1998 года за посадкой саженцев. Он словно предчувствовал и желал такой смерти, когда писал:

*Опять я к вам иду, деревья!
Под ваш зеленый, светлый кров –
От суеты и недоверья
И от заставленных углов.
Мне любо ваше постоянство
И на ветру крутая прыть.
В неизмеримое пространство
Я с вами вместе буду плыть.*

□

Юрий Иванович ДЮЖНЕВ.

*Литературовед, литературный критик,
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник*

*Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН.*

В результате многолетней работы Ю.И. Дюжневым были подготовлены и опубликованы пять библиографических указателей, пятнадцать монографий и сборников статей, в которых он вынес на обсуждение узловые проблемы развития русской литературы Европейского Севера и дал очерки творчества ведущих писателей региона.

*Лауреат премии РК в области культуры, искусства и литературы (2002),
лауреат премии «Сампо» главы РК (2009).*

*Отмечен званиями «Заслуженный деятель науки РК»,
«Заслуженный работник культуры России».*

Член Союза писателей России с 1977 г.

